

Е. Н. СТУДЕНЕЦКАЯ

О БОЛЬШОЙ СЕМЬЕ У КАБАРДИНЦЕВ В XIX ВЕКЕ

В труде Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» уделяется значительное внимание большой семье или патриархальной семейной общине, являющейся переходной формой к индивидуальной семье. При этом Энгельс отмечает роль М. М. Ковалевского в деле открытия и объяснения патриархальной семейной общины у ряда народов Кавказа, где она сохранялась очень долго, в отдельных местах вплоть до второй половины XIX в., входя в состав сельской общины, наряду с уже существовавшими индивидуальными семьями. Однако в литературе нет материалов о большой семье у кабардинцев. В сводной работе «Очерки по этнографии Кавказа» М. О. Косвена, где автор посвящает специальный раздел большой семье, он приводит лишь краткие упоминания двух авторов о большой семье у кабардинцев.

В связи с этим нам кажется полезной публикация тех данных, которые удалось получить во время экспедиций 1947—1948 гг. в Кабарду. Разумеется, через 31 год после Великой Октябрьской социалистической революции, преобразившей нашу страну вплоть до самых глухих ее уголков, сбор подобных материалов является трудной задачей и неизбежно будет неполным. Материалы, собранные нами, относятся ко второй половине XIX в., когда большая семья среди кабардинцев была распространена еще очень сильно, но существовала в определенной обстановке, при наличии феодальных отношений. После освобождения зависимых сословий в 1867 г. в кабардинской деревне начали развиваться капиталистические отношения. Но колониальное положение Кабарды способствовало сохранению отсталых форм хозяйства и (вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции) феодально-родовых пережитков.

Все наши старики-информаторы (в возрасте от 60 до 100 лет) говорят, что во времена их молодости большая семья была широко распространена. Большинство семей жило нераздельно. Если даже сын и пожелал бы выделиться из большой семьи, он молчал бы об этом — выдел считался неприличным, нарушающим вековой обычай. Говоря о причинах сохранения большой семьи, старики обычно указывают не только на «адыге-хабзе» — адыгейский обычай, но и на экономические преимущества большой семьи. Если нераздельно живущая кабардинская семья еще имела в живых своих родоначальников — отца и мать, то она называлась бынэ шхуэ, буквально «большая семья». Ее отец носил название тхамадэ, а мать — гуащэ, что в обоих случаях обозначало старшего. Термин гуащэ — старшая, свекровь — впоследствии приобрел значение — княгиня. «Унэзэш зэхэс» или «унэгьуэ зэхэс» обозначал нераздельную семью, в которой отца нет в живых, но братья со своими семьями жили одной большой семьей. Этот термин противопоставлялся «унэгьуэ закьуэ» — отдельной семье.

Во главе большой семьи, состоящей из братьев с их семьями и незамужних сестер, стоял унэфэщI — распорядитель дома, обычно старший из братьев. УнэфэщI существовал часто и при жизни отца, если тот был слишком стар и не мог сам управлять хозяйством. Число членов семьи доходило до нескольких десятков. Одна из моих информаторш образно выразилась так: «Были такие большие семьи, что, когда целого барана резали и съедали сразу, то хватало каждому только по маленькому кусочку». Другой сказал: «Жили вместе, пока одного котла хватало». Это выражение родилось не случайно. В начале XIX в. Дебу писал: «...каждое семейство, от прадеда до позднего поколения, живет нераздельно и употребляет пищу из одного котла. От сего в народе сем не говорится: столько-то семей или дворов, но столько-то котлов». Напомним, что и котел и, особенно, очажная цепь, на которой он висел, были у кавказских народов почитаемыми предметами. По представлениям осетин, в очажной цепи жил Алард-Сафа — покровитель семьи.

В экспедиции 1947—1948 гг. нами был записан ряд примеров больших семей, существовавших еще лет 30—60 назад.

Приведу пример семьи Шабезгери Кодзокова.

Родители: отец — Шабезгери мать — Сарей

сыновья и дочери:	Мухамед-Мирза	Алимырза	Бачимырза	Кантемир	Куна Хужа
жены	Хаблина	Хуцу	Кусма	Дыхаужо	
сыновей:					
Внуки:	Хазеша (м)	* Мац (ж)	Хаджаша (м)	Едык (м)	
	Батырбек (м)	Мухамед (м)	Зелимгирей (м)	Фатимат (ж)	
	Маржан (ж)	Гуаша (ж)	Камбулег (м)	Даут (м)	
	Хажн Касым (м)	Асланбек (м)	Кази (м)	Хажихан (ж)	
	Нальжан (ж)	Хажирет (м)	Безруко (м)	Батыр (м)	
	Тембот (м)	Армазен (м)		Ауария (ж)	
	Шухиб (м)			Фетия (ж)	
	Нафия (ж)				
	Добына (ж)				
	Фаризет (ж)				

Всего 40 человек, из них 22 — мужчины.

Звездочкой отмечена моя информаторша, 64 лет. Эта семья разделилась лет 30 назад. К моменту раздела она была еще больше, ибо старшие внуки Шабезгери успели жениться и имели детей. В селении Ст. Лескен жила семья Теуважуко Табухова, насчитывавшая 39 человек и состоявшая из следующих лиц.

Родители: Табухов Теуважуко и его жена

Сыновья с женами:	Жанхот ¹ и жена	Умар и жена	Темир и жена	Темиркан и жена	Каншао и жена	Машко и жена	Исуф и жена
Внуки:	Тут (м)	Каражан (ж)		Мариан (ж)			
	Хузбер (м)	Салисат (ж)		Пыцыхо (м)			
	Безир (м)	Дагалина (ж)		Мухарби (м)			
	Кайсын (м)	Таужан (ж)		Али (м)			
	Озырмес (м)	Хуткия (ж)		Мухамед (м)			
	Батина (ж)	Жентаго (ж)		* Лялюша (м)			
	Хакулю (ж)	Марура (ж)		Баби (ж)			
		Мухамед (м)		Вова (м)			

Всего 39 человек, из них 20 мужчин.

Звездочкой отмечен мой информатор, 24 лет. До сих пор жива жена первого сына Жанхота — Хабыц, которой около 100 лет. Ее старшая дочь уже бабушка. Хабыц была очень строгой и суровой по отношению к своим пяти снохам, и некоторые из них сейчас мстят ей тем, что не хотят взять старуху в дом. Она живет в семье младшего сына. Дом этой семьи, включавший в себя одно помещение для родителей и 6 отдельных комнат для сыновей, разрушен совсем недавно.

Можно привести и многие другие примеры неразделенных семей, в которых жили вместе три поколения.

Большая семья являлась единой хозяйственной единицей. Она входила в состав сельской общины и, как ее член, имела право на пашню и сенокос, выделяемый ей при ежегодном переделе. Вплоть до самой Октябрьской революции передел земель происходил по дврам, т. е. «по котлам», и только при советской власти (до коллективизации) был установлен раздел по едокам, преимущество которого перед прежним порядком единодушно отмечают все старики.

Все недвижимое (усадебка с хозяйственными и жилыми постройками) и движимое (скот, орудия труда, домашняя обстановка и пр.) имущество большой семьи являлось общей собственностью семьи и находилось в управлении тхъмадэ или унэфэщI, а в известной части и гуашэ. УнэфэщI распоряжался покупкой или продажей и чаще всего сам проводил эти операции. Селения — куажэ — тогда были велики, что в некоторой степени объясняется политикой царского правительства, укрупнявшего кабардинские селения для облегчения надзора за «беспокойными» горцами.

¹ Семья Жанхота тоже жила нераздельно.

Главными занятиями кабардинцев были земледелие и скотоводство (до сих пор еще спорят о том, которое из них имело большее значение и большую древность), что и накладывало свой отпечаток на весь строй жизни.

В сборнике «Кабардинский фольклор»² помещено одной из сказаний нартовского цикла: «Если Сосруко вернется, иссякнет земное изобилие». Чем характеризуется изобилие? У старушки было трое сыновей — хлебопашец, пастух и кузнец. Когда она готовила гостям еду, то из одной четверти зернышка пшеницы сваривала огромный котел каши. Это зернышко было оставлено ее умершим сыном — хлебопашцем. Из половины ребрышка барана она наварила котел мяса — оно было оставлено сыном-пастухом, а котел был сделан сыном-кузнецом. В этом рассказе подчеркиваются две основы хозяйства кабардинцев — земледелие и скотоводство. При этом упоминается наиболее старинный хлебный злак кабардинцев — просо.

Сочетание земледельческого хозяйства с экстенсивным полукочевым скотоводством требовало много рабочих рук. При сравнительно слабом развитии ремесла все потребительские нужды, начиная с постройки дома, изготовления большей части орудий труда (кроме железных частей), мебели, утвари, одежды было делом рук членов семьи. Предметы не местного производства приобретались путем покупки, чаще всего в отдаленных городских пунктах. В более ранние периоды такие предметы нередко приобретались путем набегов и грабежей.

Такое полунатуральное хозяйство, несомненно, содействовало сохранению большой семьи, с известным разделением труда между ее членами. Наши информаторы единогласно указывали на установившееся в семье постоянное распределение обязанностей между сыновьями. Обычно выделялись пастухи, находившиеся почти все время в отлучке со стадами, пахари, на которых лежали и основные работы по дому, так как их отлучки были кратковременными. Обязанности закупок обычно лежали на тхъамадэ или унэфэщI. Так, например, в семье Дзядзу Дзамихова из сел. Каменномостское распоряжался сам отец — Дзядзу. Старший сын, Худад, был пахарем; второй, Масхух, учился, чтобы стать муллою; третий, Булат, был мелхою (паром овец); четвертый, Исуф, работал по дому и пахал.

При большом числе сыновей обычно один из них «учился на муллу». Часто в составе семьи имелся и мастер-ремесленник. Заработки всех членов семьи, в том числе и муллы и ремесленника, поступали в ее общую кассу. Наряду с более или менее постоянным разделением труда давались в семье и отдельные разовые поручения, которые обычно тхъамадэ или унэфэщI давал ежедневно. В условиях феодальной Кабарды каждая крестьянская семья должна была нести и барщину для владельца селения. Кроме того, владелец мог взять кого-либо из подвластных ему семей к себе для домашних услуг на длительное время. Если у хозяина не было рабов (унаутов) для домашних услуг, то женщины-крестьянки поочередно несли эту работу. Выделить человека из большой семьи, естественно, было легче, чем из малой, индивидуальной. Кабардинцы сажали просо, ячмень, пшеницу и употребляли для вспашки тяжелый деревянный плуг сложного устройства, близкий к тяжелому плугу долины Грузии и к украинскому плугу, в который запрягалось четыре пары быков. Такой плуг требовал для своего обслуживания нескольких человек (наличие сложного пахотного орудия указывает на длительный путь развития и, следовательно, на давность кабардинского земледелия). Деревянный плуг (пхъэ пхъIэщэ) лет 50—60 назад был вытеснен железным плугом; число последних в каждом селении было, однако, весьма невелико. Члены большой семьи, на обязанности которых лежала пахота, вели эту работу не в одиночку. Наоборот, в процессе ее они объединялись в еще больший коллектив.

На пахоту выходили одновременно всем селением и до конца работы жили лагерем в степи. Пахота растягивалась иногда на большой срок, так что уйти домой можно было лишь после того, как будут обработаны поля всех жителей селения. Во главе производственной организации пахарей стоял тхъамадэ (старший) — лицо, выбранное всем коллективом пахарей и облеченное на период пахоты большой властью. Запряжка, требовавшая четырех пар быков и нескольких человек для ее обслуживания, в редких случаях могла быть составлена силами одной семьи. Частым явлением была супряга, объединявшая нескольких соседей или родичей. Несомненно, большая семья легче могла организовать собственную запряжку, ибо обладала большей экономической мощностью и большим числом рабочих рук. Сами кабардинцы увязывают величину семьи с производственным моментом — с земледелием. Так, фольклорный текст «Кабардинцы как жили» гласит: «Раньше кабардинцы семьи по четыре вместе были, семья каждая волов по четыре имела. Одну восьмерку волов запрягая, иногда восемь волов запрягши пахали»³.

Вторым и не менее важным занятием кабардинцев являлось скотоводство с отгонным стад на летние горные пастбища. Зимой скот держался на плоскости, при крупном хозяйстве — в отдельных кутанах, при мелком — на своем дворе. Кабардинцы разводили лошадей, крупный рогатый скот и овец. Каждый из этих видов скота был почти в каждом хозяйстве, ибо при полунатуральном хозяйстве кабардин-

² «Кабардинский фольклор», изд. «Academia», 1936, стр. 31.

³ Ученые записки Кабардинского научно-иссл. института, т. IV, Нальчик, 1948, стр. 165.

цев семья только так могла обеспечить себя питанием, одеждой и тягловой силой. При пастбищном скотоводстве все указанные виды скота требуют раздельного содержания и особого ухода, а следовательно, большого количества людей, выделить которых большая семья могла легче, чем малая, индивидуальная. При отгоне на летние пастбища мелкого рогатого скота и лошадей имели место опять-таки производственные коллективы: например, мэльхуэ-гуп — объединение пастухов овец. В этих случаях для совместного выпаса на определенных условиях объединялся скот нескольких хозяйств, члены которых в большинстве случаев и сами принимали участие в пастбе. Во главе объединения стоял лэгупэщ — «старший котла».

Отметим, что в обоих случаях производственных объединений на (пахоте и во время пастбы) термин, обозначающий главу объединения, или буквально совпадает с наименованием главы большой семьи — тхъамадэ или весьма близок к последнему смыслу: лэгупэщ — «старший котла» (котел, как упомянуто, являлся символом большой семьи).

Обычно в большой семье выделялись несколько ее членов, специализировавшихся на скотоводстве. Они уходили на пастбища пастухами своего (а зачастую и чужого) скота, отсутствуя несколько месяцев, но внося в семью и свой заработок.

Сенокос производился силами всех взрослых мужчин семьи. Нередки были случаи ухода на время сенокоса части мужчин на урысмакъэ, т. е. «русское сено» — на работу к русским помещикам. Заработок отходника также должен был поступать в кассу семьи.

Женщина была почти полностью отстранена от земледелия (иногда принимала участие в уборке), сенокосения и, тем более, от пастбищного скотоводства. Все время уходило на домашнее хозяйство, обработку продуктов скотоводства (шерсти, овчины и частично кожи), изготовление одежды для членов семьи; для девушек и молодых к этому прибавлялось еще и рукоделие. Основным назначением женщины являлось продолжение рода.

Распределением работы среди женской половины семьи занималась свекровь — гуащэ, а после ее смерти жена старшего из братьев — унэфэщI, хотя бы она и не являлась старшей по возрасту. Работа распределялась или на долгий период, или каждое утро. При этом существовали определенные традиции. Дети обычно начинали работать довольно поздно. Девушки в семье занимались уборкой, стиркой и главным образом шитьем и вышиванием. Принимали они и некоторое участие в полевых работах (уборка). Невестки несли основную трудовую нагрузку. Но первые год — два молодая жена (нысащIэ) очень мало участвовала в общей работе семьи, так как она почти не выходила из своего помещения — лагунэ. Приобщение ее к труду семьи происходило постепенно. Через некоторое время после свадьбы совершался ряд обрядов; важнейшим из них было унэшэ — введение молодой в унэшхуэ, помещение для родителей, святое святых большой семьи; этот обряд совершался через неделю после свадьбы. Молодую, закрытую покрывалом, сопровождали женщины. При вводе молодой в дом она становилась на шкуру барана, посланную у порога, ее осыпали орехами и сладями, и свекровь угощала ее маслом с медом — все это служило пожеланием счастливой жизни, богатства и плодородия. Затем одна из родственниц мужа поднимала покрывало, и все приветствовали молодую. В унэшхуэ в это время присутствовала только женская часть родни мужа, во главе с гуащэ. Таким образом, этот обряд носит характер введения молодой в семью и установления определенных отношений с гуащэ.

После обряда введения в дом молодая может выходить из своей комнаты лагунэ и входить в унэшхуэ; постепенно она начинает работать под руководством свекрови.

У осетин этот обряд сохранил более древние черты. Невесту обводили вокруг очага, и она касалась рукой очажной цепи, причем на нее призывали благословение покровителя дома и желали ей плодородия. После этого она мазала салом обувь свекрови в знак повиновения и уважения.

Упомянем также о кабардинском обряде мастаншэ (от слова мастэ — игла), состоящем в следующем: через 8 дней к нысащIэ в лагунэ приходила родственница мужа и приносила с собой новую иголку, кусок красного шелка, шелковую нитку, угощение и сладости. В ее присутствии нысащIэ трижды прошивала шелк иголкой и отдавала его обратно девушкам, те делили шелк между собой. После этого нысащIэ получала право заниматься шитьем. Через год совершался обряд псыхъэ — первый выход по воду. Парни и девушки с гармонией сопровождали нысащIэ, которая несла с собой платочки, учкуры, мыло и т. п. и дарила их встречным. Девушки набирали воды в котел, нысащIэ несла его с одной из девушек на палке. Все встречные старались разлить воду, бросать в нее грязь, чтобы заставить молодую вернуться за водой. Так делалось трижды; наконец, она благополучно доносила воду до гуащэ.

Эти обряды имели, помимо других сторон, элемент испытания пригодности невестки к работе и приобщения ее к общему труду семьи. В обязанности младших невесток входило ношение воды, уход за скотом (за той его частью, которая не угощалась на пастбище), а готовили пищу старшие снохи. Существует пословица: «Что пожилым сказано — выполняй, что молодым приготовлено — кушай». Распоряжалась приготовлением пищи гуащэ, она же выдавала продукты, хранившиеся в кладовой — лагунэ цыкIу. Туда имела право заходить только гуащэ.

Интересно отметить, что в хозяйстве феодала хранение ключей и приготовление пищи лежало на обязанности рабыни — унаулки, которая носила название «ныса кыкIу», т. е. «маленькая сноха», хотя, она и не была ею. Одновременно с функцией приготовления пищи на рабыню перешел и термин.

Коллективное производство сопровождалось и коллективным распределением и соответствующей организацией всего быта. Сообща строился большой длинный дом — унэ. Комната, в которой жили родители, — унэшхуэ («большой дом») делалась обычно просторной. Это было место, где готовилась пища (если не было отдельной кухни — пшэфIлэпэ). В унэшхуэ собирались для еды мужчины, там же ел (первым в семье) тхъамадэ. После еды мужчины уходили, и тогда ела гуащэ, а затем невестки и, наконец, дети.

Пищу, приготовленную невестками, приносили гуащэ, а последняя распределяла ее между всеми. Тхъамадэ подавал еду слуга, а если его не было, то это делали младший из сыновей или дочь.

В унэшхуэ ночевали родители, а также неженатые сыновья и дочери. Иногда рядом с унэшхуэ была специальная комната для девушек — кхыджебузнэ, вход в которую был через унэшхуэ. При наличии в доме кхэшIэш — кунацкой неженатые сыновья уходили ночевать туда. К унэшхуэ примыкали лагъунэ — помещения для отдельных брачных пар, пристраивавшиеся позднее по мере женитьбы сыновей. Днем в лагъунэ могли находиться только женщины, мужчины приходили туда лишь вечером. Каждая лагъунэ имела отдельный выход во двор. Проходных комнат не было. Количество лагъунэ определялось числом неженатых пар. Бывали дома, в которых было по 5—7 и более лагъунэ.

Места в унэшхуэ распределялись определенным образом. Почетное место за очагом носило название жъантIэ. Там сидел тхъамадэ, туда же сажали почетных гостей. В присутствии отца сыновья не сидели и находились во второй половине, у двери. Невестки вообще не имели права заходить на жъантIэ, кроме как для уборки стоявшей там кровати гуащэ. На кровати гуащэ не мог сидеть никто, кроме нее самой. Напротив очага ставился деревянный диван — шэнтжъей. Это место мужчин, и женщинам сидеть на нем не полагалось.

Общность потребления выражалась не только в еде из общего котла. Одеждой вся семья снабжалась также из общего источника и распорядителем являлась и здесь гуащэ. Она распределяла шерсть с овец поровну между всеми невестками, а последние готовили одежду для себя, своих мужей и детей. Если при этом у которой-нибудь оставалась шерсть, то она могла распорядиться ею по своему усмотрению. Моя информаторша сочла необходимым подчеркнуть, что это разрешалось только потому, что шерсть уже была разделена поровну». Если что-либо из одежды покупалось (в городе или у бродячих торговцев), то всегда покупали поровну всем одновременно, обычно осенью. При этом не принималось во внимание то, что у одного члена семьи одежда еще цела, а у другого уже износилась. Часто при этой «уравниловке» не принимался во внимание и возраст детей и на грудного ребенка давалось столько же, сколько на подростка. Такой же уравнительный подход распространялся и на подарки. Если при поездке в город покупался подарок, то воля гуащэ диктовала, кому он будет вручен. Таковы были строгие правила семейного коллективизма.

Из общего имущества семьи выделялась, однако, одна часть, над которой не имел власти ни старший в доме, ни князь-владелец, — это часть скота, которую приводила с собой невестка из дома родителей, а также приплод от него.

Роль женщины, вернее, только старшей женщины — гуащэ, в семье была, как мы видели, весьма велика. Она в ряде случаев, являлась советчицей мужа. Если отец умирал и нераздельная семья состояла из братьев и жила под руководством старшего брата, этот последний во всех серьезных случаях должен был с нею советоваться.

При женитьбе одного из братьев калым выплачивался из общего хозяйства по распоряжению старшего. При выдаче девушек замуж калым вручался старшему и употреблялся на покупку одежды и домашних вещей для невесты. Если один из женатых сыновей умирал, то его вдова, если была бездетна, по большей части уходила к своим родным. При наличии детей она при уходе к родителям оставляла их в семье мужа. Весьма часто прибегали к кхыжьэж (левирату), при котором вдова умершего выходила замуж за его холостого брата.

Разбор семейных ссор лежал на старшем — тхъамадэ. Иногда для этого приглашались и старики-соседи. В случае неповиновения тхъамадэ имел право выгнать сына из дома «без копейки с одной палкой», по выражению одного из моих информаторов. Право наказания и поощрения имел в семье только старший (тхъамадэ или гуащэ). В присутствии старших отец и мать не имели права ни наказать, ни приласкать своего ребенка. Вообще в отношении к детям соблюдалась сдержанность. Младшие как в семье, так и при всяком общественном собрании должны были соблюдать почитательность к старшим, выражавшуюся, в частности, в том, что младший при старшем не мог сидеть, не мог заговорить первым и т. п.

Во время экспедиционных работ 1947 г. произошел следующий случай. Фольклорист экспедиции (кабардинец) записывал материалы от одного старика, которому было свыше 100 лет. Во время записи в комнату вошел другой глубокий старик, но, не сместив на наличие в комнате свободных стульев, не сел, а остался стоять у порога.

Когда участник экспедиции предложил ему сесть, он ответил: «Это мой отец». При отце он не мог сидеть, хотя ему самому было свыше 80 лет.

После смерти отца братья могли разделиться, но только при согласии большинства из них. При разделе имущество делили поровну. Так же делились и жилые постройки. Если кому-либо нехватало готовой постройки, то его долло выдавали деньгами. Унэшхуэ доставался обычно тому, кто дольше других жил с родителями — младшему. Старшему сыну при дележе выделяли сверх равной с другими доли — лошадь со сбруей и седлом и оружие. Если младший брат еще не был женат, то ему выделялась дополнительная часть имущества на уплату калыма.

Выводы

Все сказанное позволяет утверждать, что патриархальная семейная община — «большая семья», описанная М. М. Ковалевским для осетин и других народов Кавказа, имела место и у кабардинцев.

Большая семья у кабардинцев сохранилась вплоть до конца XIX в. Ярче всего она была выражена у крестьян, где являлась хозяйственной единицей. Среди крупных феодалов (пшэ) существовал обратный обычай обязательного раздела. Сыновья пшэ не только воспитывались вне родной семьи (атальчество), но и по возмужании и возвращении домой не жили вместе с отцом. Наоборот, они старались организовать собственное феодальное хозяйство. Рабы не имели права на законную семью.

Сохранение большой семьи в течение столь долгого периода объясняется: а) общей отсталостью экономического развития, полунатуральным характером хозяйства; б) спецификой хозяйства, сочетающего в себе оседлое земледелие с кочевым скотоводством и домашним ремеслом; в) необходимостью сохранения большей экономической мощности семьи для ведения хозяйства и обеспечения большей жизнеспособности и силы, столь нужных в обстановке постоянных междоусобий; г) искусственным препятствием разделу семьи (чтобы предотвратить ее экономическое ослабление) со стороны князей-владельцев, требовавших от семьи при разделе пару быков.

Большая семья сосуществовала с сельской общиной, являясь ее составной частью, что особенно ярко выражалось в производственной деятельности.

Разложение большой семьи в конце XIX в. шло параллельно с ростом капиталистических отношений, развитием частной собственности, ростом ремесла и торговли.

Обычай, создавшийся во время господства большой семьи, в некоторых случаях вклиниваются остатком прошлого и в советскую семью.

Так, в одном из кабардинских селений, в семье нераздельно живущих мужа с женой и двух вдов умерших братьев мужа с их детьми (что, конечно, не является «большой семьей»), мы все же наблюдали не только единое хозяйство, но и тот же принцип уравнивания подарков и т. п. Мануфактура, привозимая мужем из города, делилась поровну между двумя вдовами и женой, причем разделом ведала вдова старшего брата, а не жена единственного кормильца семьи.

Сохраняются еще и разделение труда внутри семьи, и обычай раздельной еды, и распределение мест в жилище. Однако новый колхозный быт отразился прежде всего на положении женщины, уничтожив ее замкнутость и оторванность от общественной жизни. Новое, внесенное Великой Октябрьской социалистической революцией и коллективизацией, успешно борется со старым.